ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ЦЕРКОВНОГО МУЗЕЯ НА ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ 1919 г.: к истории взаимоотношений музея и Церкви

В.Г. Ананьев

Проблема музеефикации культовых сооружений и превращения церковных ценностей в музейные предметы оказалась одной из центральных в культурной политике России после Октябрьской революции, непосредственными результатами которой стали отделение церкви от государства и общий курс на построение атеистического общества. Вместе с тем, как справедливо отмечает М.Е. Каулен, уже «в России в конце XIX – начале XX в. переход части культовых памятников в разряд музейных объектов был исторически подготовлен, и процесс музеефикации начался»[1]. В 1872 г. при Киевской духовной академии был создан первый в Российской империи церковно-археологический музей, а в Вологде в состав мемориального «Исторического уголка» была включена церковь Федора Стратилата, построенная, согласно преданию, по приказу Ивана Грозного. Уже очень скоро многообразие форм церковных музеев увеличилось за счет создания первого «церковно-мемориального» музея, посвященного жизни и деятельности Патриарха Никона, созданного в 1874 г. в Новоиерусалимском монастыре архимандритом Леонидом (Кавелиным). В 1896 г. в Вологде под музейные цели была приспособлена надвратная церковь при Софийском соборе. Продолжали развиваться и такие традиционные протомузейные формы, как собрания церковных ризниц и древлехранилищ, среди которых нельзя не отметить ризницу Троице-Сергиевой лавры, а также синодальную ризницу Московского Кремля, фактически, превращенную в музей усилиями иеромонаха Саввы (Тихомирова), в 1850–1859 гг. исполнявшего обязанности ризничего. Как следует уже из этого краткого обзора, к концу XIX в. не только наметился определенный синтез культурных форм музея и храма, но существовал уже и определенный их полиморфизм (исторический и мемориальный музей, музеефицированное культовое сооружение, традиционное древлехранилище). Эти события не случайны, они вполне соответствуют общему контексту того этапа в развитии отечественного музейного дела, который С.В. Пшеничная характеризует как время философского осмысления музея «как специфического объекта культурного пространства, когда весь накопленный музейной мыслью и музейной практикой материал потребовал выработки обобщающей концептуальной модели»[2]. Попыткой дать философское обобщение этой модели стала космистская теория Н.Ф. Федорова, в которой музей и храм как бы сливались воедино и оказывались ключевым элементом в дальнейшем развитии всего человечества[3].

Естественно, что соответствующий вопрос обсуждался и в ходе работы Первой всероссийской конференции по делам музеев, состоявшейся в Петрограде 11–17 февраля 1919 г.[4] Тогда на утреннем заседании Гуманитарно-художественной секции конференции, проходившем 14 февраля, с

---

[1] *Каулен М.Е.* Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001. С. 140.

[2] *Пшеничная С.В.* Концептуальная модель музея в современной отечественной музеологии // http://www.isaac.spb.ru/digest/num9/pshen

[3] См.: *Доминов М.*Ш. Музей в философии Н.Ф. Федорова // Музеи России: Поиски, исследования, опыт работы. Сборник научных трудов. СПб., 1995. С. 8–16; *Копытин С.М.* Концепт «музейности» как органическая часть космистских представлений XIX–XX веков // Вопросы музеологии. 2010. № 1. С. 19–24.

[4] См.: *Закс А.Б.* Первая всероссийская конференция по делам музеев. Февраль 1919 года (По материалам отдела письменных источников Государственного Исторического музея) // Актуальные вопросы изучения фондов музеев по истории советского общества. М., 1982. С. 149–157.

докладом, посвященным проекту создания церковного музея, выступил известный искусствовед, историк архитектуры, специалист в области охраны культурного наследия Константин Константинович Романов (1882–1942)[5]. Хотя отдельные упоминания об этом докладе содержатся в научной литературе, но попытка проанализировать основные его положения и развернувшуюся вокруг него дискуссию все не предпринималась. Этому и посвящена данная работа[6].

К.К. Романов начал с обоснования своего предложения, отметив, что создание подобного музея кажется вполне оправданным на фоне «...общего строительства и этого требует естественная группировка памятников, которые никогда естественно сгруппированы не были»[7]. Все предшествовавшие начинания в данной области автор доклада разделил на три большие категории: к первой относились «...собрания без всякой систематизации, где случайно набраны были различные предметы, те, которые случайно попадали в музей и располагались без системы» (собрание при Петроградском Археологическом институте, или при Обществе любителей древней письменности), ко второй – «частные собрания иногда очень ценные, но очень узкие по своему содержанию и недостаточные, чтобы быть церковным музеем» (собрание поморских предметов В.Г. Дружинина)[8], наконец, в третью категорию вошел «...тип музейного собирательства, так как тогда памятники церковные отбирались», сюда относилось Древлехранилище Русского музея[9]. Но и этот последний тип полностью не удовлетворял, предъявляемым к нему запросам, так как в нем принцип собирательства был нарушен. Памятники без живописи, без обстановки казалось были слишком уединенными и собрание Русского музея стало пополняться предметами церковного быта не живописными, создался музей половинчатого типа. Вывод, который автор делает из этого краткого обзора, вполне однозначен: три этих типа не могут считаться удовлетворительными, для того, чтобы «полностью обнять религиозно-церковный быт, необходимо конструировать нечто новое»[10].

Тематические рамки будущего собрания должны быть не менее широкими, чем его хронологические границы. К.К. Романов сразу же оговаривает: «...здесь нельзя ограничиться памятниками исключительно православной церковности, надо брать в связи со всеми памятниками сектантскими, так как они очень важны, и это создает более крупную картину старой религиозной жизни»[11].

---

[5] Материалы конференции, в частности, ее стенограмма, считавшаяся утраченной, были введены в научный оборот в конце 60-х гг. XX в. А.Б. Закс. См.: *Закс А.Б.* Источники по истории музейного дела в СССР (1917–1941) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VI. М., 1968. С. 30–58. Они сохранились в отделе письменных источников Государственного Исторического среди других материалов Наркомпроса РСФСР. Общую характеристику этих материалов см.: *Белозерова И.В.* Коллекция материалов ГИМ по истории музейного дела первых лет советской власти (1917–1940-е годы) // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 149. М., 2005. С. 384–404. В недавнее время некоторые материалы конференции были опубликованы А.А. Сундиевой, см.: *Сундиева А.А.:* 1) История одной декларации // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (1). С. 74–79; 2) Первая всероссийская конференция по делам музеев (1919) // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и мат-лов. М., 2010. С. 464–478. Нами в данной работе использовалась машинописная выдержка из протокола, содержащая доклад и его обсуждение, находящаяся в личном фонде К.К. Романова в Рукописном Отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН (далее – РО НА ИИМК РАН): РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. № 84. Общую характеристику фонда см.: *Медведева М.В.* Научное наследие архитектора К.К. Романова в архиве Института истории материальной культуры // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 2005. Вып. 19.

[6] См.: *Каулен М.Е.:* 1) Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие... С. 27–28; 2) Музеи-храмы и музеи-монастыри России: каталог-справочник. М., 2005. С. 24–25.

[7] РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. № 84. Л. 2.

[8] Имеется в виду собрание предметов поморского литья видного археографа и исследователя старообрядчества Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936 гг.). О нем см.: *Винокурова Э.П.* Рукопись о поморском литье В.Г. Дружинина // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLI. Л., 1988. С. 405–410; *Пивоварова Н.* «С министром Плеве я никогда знаком не был...»: к 150-летию со дня рождения В.Г. Дружинина // София. 2009. № 4. С. 22–24.

[9] См.: *Лихачева Л.Д.* Из истории отдела древнерусского искусства Русского музея (1898–1917) // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1988. М., 1989. С. 296–303.

[10] РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. № 84. Л. 2.

[11] Там же.

Начинаться собрание должно с археологических памятников, кроме них «...туда войдет очень подробное изучение иконописи, фресок и росписи, тех памятников, которые не относятся к предметам мелкого искусства (кресты, образки, мелкое литье), затем сюда должны быть введены мелкие скульптуры, затем предметы церковного шитья, церковного обихода (облачение, церковные сосуды)»[12]. Таким образом, собрание будущего музея должно было бы охватывать практически все формы материального воплощения православной культуры. Принципы размещения этого материала предлагались вполне традиционные, принятые в европейском музейном деле еще с конца XVIII в., и с середины XIX в. прочно утвердившиеся в России: «по эпохам, по школам, по отдельным течениям». В структуре будущего музея автор выделял специальный сравнительный отдел, выставочную часть и фонд, а также научную лабораторию для проведения исследований[13].

Последнее было чрезвычайно важным для концепции К.К. Романова: хотя он и оговаривался, что не касается в своем выступлении вопросов просветительской работы музея, очевидно, что для него основной функцией музея является именно исследовательская деятельность (и это вполне закономерно, так как сам автор проекта был в первую очередь ученым). В таком музее «научная деятельность не может ограничиться изучением памятников, находящихся в его стенах, у него должна быть постоянная связь с внешним миром, отсюда обилие командировок, изучение памятников на местах, отсюда издательская деятельность, которая должна касаться вопросов охраны памятников на местах»[14]. Дело охраны памятников (для самого К.К. Романова одно из основных в его научной работе)[15] оказывается и одним из основных направлений работы проектируемого им музея. Это направление обосновывается самой спецификой предназначаемого в музей материала. Ведь «...многие предметы очень интересные, для такого музея, они, может быть, еще больше имеют ценности там, где находятся. Мы знаем, что отдельные церкви настолько до сих пор цельны, что вырывание оттуда какого-нибудь памятника не может быть произведено, так как важней сохранить его на месте, то же самое можно сказать о некоторых ризницах и т.д.»[16]. В целом высказываемые здесь идеи совпадают с тем, что еще в 1918 г. в своей статье «Храмовое действо как синтез искусств» сформулировал П.А. Флоренский, называвший «недомыслием... отрыв одной из сторон церковного искусства от целостного организма храмового действа как синтеза искусств»[17]. Именно поэтому музей должен играть важную роль в охране памятников на местах. Две основные формы этого: 1) осмотр – экспертиза памятников в местах их хранения; 2) организация ремонта памятников на местах, особенно пострадавших.

В завершении доклада К.К. Романов предложил секции принять три следующих положения: «...1) признать желательным приступить к организации музея русского религиозного и церковного быта на культурно-исторической основе, 2) признать, что предметы церковно-исторического обихода и искусства желательно по возможности охранять в их прежних местонахождениях, если это не вредит их охране, 3) признать желательным, чтобы новый музей активно принимал участие в охране памятников на местах»[18].

---

[12] РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. № 84. Л. 2, 3.

[13] Там же. Л. 3–4.

[14] Там же. Л. 4.

[15] Он принимал активное участие в работе многих государственных органов, занимавшихся охраной памятников, и читал лекции по данной темой. Так, например, курс лекций по теме «Охрана монументальных памятников искусства и старины» читался им в начале 1920-х гг. в Петроградском археологическом институте. См.: *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 271, 274. О его участии в становлении системы охраны памятников см.: *Жуков Ю.Н.* Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры: 1917–1920 гг. М., 1989.

[16] РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. № 84. Л. 5.

[17] *Флоренский П.А.* Храмовое действо как синтез искусств // Маковец. №. 1. М., 1922. С. 28–32. Анализ концепции см.: *Галинская И.Л.* Павел Флоренский об идее «живого музея» // Новая литература по культурологии: Дайджест. № 3. М., 1995. С. 22–29.

[18] РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. № 84. Л. 5–6.

Как видим, проект предполагал создание представительного научного учреждения, в первую очередь ориентированного на изучение и сохранение церковного наследия; традиционная структура музея (экспозиция, организованная по хронологическому принципу, и фонд) дополнялась лабораторией для проведения научных исследований и широкой сетью внешних контактов, связанных с необходимостью сохранения церковного наследия на местах. Последнее объяснялось спецификой самого материала, тяготеющего к ансамблевости. В целом нельзя не отметить, что общие положения доклада соответствовали представлениям эпохи и, более того, как ни странно, перекликались с позицией новой власти, озвученной на конференции наркомом просвещения А.В. Луначарским. В своей вступительной речи он также отмечал важность музеев для науки, необходимость деления их на две части («музей-хранилище» (фонд) и «музей-выставка» (экспозиция)), создание подходящей атмосферы, «...чтобы в сгущенном виде получалось впечатление эпохи»[19]. Вместе с тем доклад вызвал достаточно активную полемику, выявившую различие мнений участников конференции по обсуждаемому вопросу. К ее содержанию следует обратиться.

Первым в дискуссии выступил Николай Николаевич Пунин (1888–1953), искусствовед и музейный деятель, активно сотрудничавший с новой властью в области культурного строительства: с 1917 г. он был комиссаром Эрмитажа, с 1919 г. – Русского музея, одновременно в 1918–1921 гг. заведуя петроградским отделением ИЗО Наркомпроса[20]. В литературе утвердилось представление о том, что он возглавлял группу участников конференции, стоявших на крайне левых позициях, которые считали «...музей устаревшей организацией, смотрящей назад»[21]. Однако роль, сыгранная им в данной дискуссии, позволяет несколько скорректировать это мнение. В 1913–1918 гг. Н.Н. Пунин работал в Древлехранилище Русского музея, поэтому вполне естественно, что и в своем выступлении он постарался отвести высказанную К.К. Романовым критику, отметив, что, конечно, «...этот отдел страдает известной спутанностью, но он выделяет древнюю русскую иконопись, как науку о древнем искусстве, и только в таком случае он добавляет сюда материалы для особого изучения русской иконописи»[22].

Именно принцип научности он постарался использовать в первую очередь для критики предлагаемого проекта: «...образование музея религиозного быта не выдерживает критики, мы должны включить религиозный быт в область культурного человеческого развития и там согласно определенным методам образовать соответствующий отдел»[23]. Создавать предлагаемый музей нет никакого повода, он лишь разрушил бы научный подход в деле музейного строительства. Как видим, ученый и практик музейной работы в данном случае взяли верх над поклонником авангарда и озвученный план музея Н.Н. Пунин критиковал с позиций академической науки.

С критикой совершенно иного рода выступил искусствовед и писатель Павел Павлович Муратов (1881–1950), бывший сотрудником Московской коллегии Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины[24]. За два дня до рассматриваемой дискуссии, 12 февраля, представители «Московской группы» обнародовали на заседании художественно-гуманитарной секции подготовленную ими декларацию, в которой обосновывалась необходимость создания единого Национального музейного фонда и жесткая централизация деятельности музеев[25]. Свою критику проекта П.П. Муратов начал с вопроса о целях предполагаемого музея, причем предложил рассматривать

[19] *Закс А.Б.* Речь А.В. Луначарского на конференции по делам музеев // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 210–216.

[20] См.: *Пунина И.Н.* Николай Николаевич Пунин (1888–1953) // Тайны ремесла. М., 1992. С. 271–279; *Зыков Л.А.* Предисловие // *Пунин Н.Н.* Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. С. 11–12.

[21] *Закс А.Б.* Первая всероссийская конференция по делам музеев. С. 150–151.

[22] РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. № 84. Л. 6.

[23] Там же.

[24] См.: *Сундиева А.А.* П.П. Муратов – один из авторов «общемузейного плана» послереволюционной России по документам Государственного исторического музея // Отечественные архивы. 2007. № 5. С. 38–45.

[25] См.: *Сундиева А.А.* История одной декларации // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (1). С. 74–78.

их в контексте целей именно бытовых музеев. Цель бытового – образовательная; такие музеи, по его мнению, в первую очередь должны давать представления об ушедших, исчезнувших формах быта. Иными словами: церковный быт все еще остается одной из составляющих современной жизни, поэтому и предложение создать для него особый музей не может рассматриваться иначе как «...одна из форм обмузеивания жизни... для того, кто хотел бы в этом смысле образоваться, для того нет надобности идти в музей, а достаточно пойти в церковь, которая имеет свое живое бытовое значение»[26]. Но этим дело не ограничивалось. Автор «Образов Италии» склонялся к тому, чтобы рассматривать предметы религиозной культуры только как произведения искусства, отвергая их значение исторических источников или памятников быта. П.П. Муратов не отрицал важности работ по охране памятников и реставрации – они очень важны, «...но что этот важный орган должен быть связан с историческим бытом, это недопустимо»[27]. Здесь, конечно, автор говорил как активный участник нового музейного строительства, всецело направленного на централизацию музейного дела в стране. Чуть раньше, в уже упоминавшихся «Образах Италии», он и сам ратовал за сохранение памятников в их естественной среде, утверждая, например, что для античного искусства лучше честное умирание от времени и от руки природы, чем летаргический сон в музее. На конференции, подводя итог своего выступления, он высказался против идеи создания подобного музея.

Еще одним противником предложенного проекта выступил Осип Максимович Брик (1888–1945), литературовед, один из создателей ОПОЯЗ, принимавший активное участие в конференции как сотрудник ИЗО Наркомпроса. В своем докладе, зачитанном 13 февраля, он выступил с поддержкой идеи создания «...единого Государственного музейного фонда, а также за изъятие из ведения музеев всей культурно-просветительной и художественно-воспитательной работы и передачи ее в руки созидателей современного искусства»[28].

О.М. Брик отметил, что в обсуждениях смешиваются два явления: необходимость изучения церковного, религиозного быта (она есть и его изучать нужно), и создание музея такого быта. Для изучения музей совершенно необязателен. Ведь «...музей предполагает перенесение определенных изучаемых предметов из той обстановки в которой они находятся, в другую, следовательно, чтобы доказать необходимость такого музея, нужно доказать, что в этом музее их удобнее будет изучать, чем в другом месте»[29]. Будучи связанным с музейным делом лишь весьма опосредованно, О.М. Брик высказывает несколько устаревшую даже для своего времени точку зрения о том, что «...невозможно представить музей, где бы вещи находились в соответствующей им обстановке, они переносятся в другую обстановку»[30]. Если вспомнить, что первые попытки создания ансамблевых экспозиций в России датируются еще концом XIX в., неубедительность этого довода окажется вполне очевидной.

Таковы были мнения тех, кто выступал против идеи создания церковного музея, но были и те, кто поддерживал предложение К.К. Романова, и их было отнюдь не мало. Прежде всего следует назвать имя академика Николая Яковлевича Марра (1865–1934), выдающегося востоковеда, организатора науки. В целом поддерживая предложение докладчика, он, однако, склонялся к мысли о необходимости создания не церковного, а религиозно-бытового музея, такого, который «... предполагает все культы, все церкви, все религии, которые должны изучаться»[31], причем отмечал, что «...все

[26] РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. № 84. Л. 7.

[27] Там же. Л. 12. Необходимо отметить, что представление о музее как учреждении, руководящем работами по охране культурных памятников в самом широком масштабе, было характерно для отечественной науки конца XIX в. Так, например, именно эта функция занимала одно из первых мест в проекте устава Российского исторического музея, составленном А.С. Уваровым в 1882 г. См.: *Разгон А.М.* Российский исторический музей. История его основания и деятельности (1872–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М., 1960. С. 258.

[28] Доклад [О.М.] Брика. Музеи и пролетарская культура // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков. Сборник документов и материалов. М., 2010. С. 471–474.

[29] РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. № 84. Л. 8.

[30] Там же. Л. 8.

[31] Там же.

религии будут изучаемы в зависимости от материала»[32]. Применительно к отечественному материалу это означало, что «...тот культ, который наиболее распространен в России, должен изучаться не хуже, но лучше изучение будет тогда, когда мы будем подходить со стороны материала»[33]. Утверждение о том, что иногда материал решает вопрос об основании музея, неслучайно прозвучало в выступлении Н.Я. Марра, ведь именно так был создан музей на месте его знаменитых раскопок в городище Ани – средневековой столице Армении. Музей, судя по всему, представлял открытую для осмотра систематизированную археологическую коллекцию[34], никаких собственно музеографических приемов при его создании использовано не было, поэтому и в случае с возможным религиозно-бытовым музеем, Н.Я. Марр оговаривался, что «...основа должна быть научная... я бы очень поддерживал научную постановку, но как это организовать я не знаю, это очень сложная вещь, этот музей должен быть с очень большой подготовительной работой»[35]. Впрочем, сам факт поддержки начинания со стороны авторитетного ученого был весьма важен.

В поддержку проекта высказался и председательствовавший на заседании московский искусствовед и музейный деятель, хранитель отдела изящных искусств Румянцевского музея Николай Ильич Романов (1867–1948)[36]. Необходимо отметить, что в своем докладе на конференции он высказался резко против упоминавшейся уже «Московской декларации» и среди основных положений его выступления значилось: «...Коллегия не имеет права, без санкции Конференции, объявлять Национальным Фондом все содержание музеев» и «...в дальнейшем никакие преобразования в музейном деле не должны предприниматься без разрешения съездов»[37].

«Многотипность музеев» как желательный вектор развития музейного дела в стране подчеркивалась в его выступлении, поэтому и, говоря о предложении К.К. Романова, он отметил, что его идея с музейной и научной точек зрения важна и интересна. Будучи практиком музейного дела и имея долгий опыт экспозиционной работы, он именно на этой стороне проблемы и сконцентрировал внимание. Вопрос был поставлен четко: «Как доставлять икону в музей? Как создать музей, чтобы не превратить в мертвое явление». Опираясь на пример современной ему экспозиции, он отметил «...направление в сторону экспозиции биологической... где уже нет длинных рядов чучел, но каждое животное представлено в своей обстановке, где все краски начинают играть, получается яркий синтез жизни. В музее религиозного быта, мне кажется, вполне можно дать биологический разрез данных явлений»[38]. Вероятно, имея в виду получившие распространение с начала XX в. биогруппы, Н.И. Романов предполагал и для предметов религиозного культа создание особых тематических комплексов, которые характеризовали бы те или иные стороны церковного быта.

Возражения, высказывавшиеся П.П. Муратовым были отведены им как неосновательные, ведь «...современная церковь – другой быт, чем церковь 15–16–17 ст. Мы не знаем быта, до сих пор мы в сущности не нашли методов, как его выставлять, мы не знали иконы, пока она не была расчищена»[39]. Более того, Н.И. Романов заявил: «Если какое-нибудь явление существует в нашем быту,

---

[32] Там же.

[33] Там же. Л. 9.

[34] Музей был уничтожен турецкими войсками. Подробнее см.: *Платонова Н.И.* Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. 1998. № 5. С. 371–382. К.К. Романов, конечно, был хорошо знаком с этим музеем, так как в 1910 г. он совместно с Н.Я. Марром проводил раскопки и изучение здания римской эпохи в с. Баш-Гарни Эриванской губернии и посетил Ани. Об этом см.: Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга. Ф. 82. Оп. 1. Д. 150. Л. 39об.

[35] РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. № 84. Л. 8.

[36] О его музейных взглядах см.: *Шляхтина Л.М., Мастеница Е.Н.* Музейно-педагогическая мысль в России: Исторические очерки. СПб., 2006. С. 227–232.

[37] Доклад *Н.И. Романова*. Новые задачи и типы современных музеев // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сборник документов и материалов. М., 2010. С. 474–476.

[38] РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. № 84. Л. 8, 10.

[39] Там же. Л. 10.

что же тогда не собирать этих памятников современности»[40]. Это был важный шаг на пути к осознанию необходимости музеефикации элементов современной жизни, проблеме, которая до сих пор продолжает оставаться одной из самых сложных и актуальных в музейной практике.

Раздавались и другие голоса в поддержку предложенного плана. Так, например, Д.М. Орехов отметил, что необходимым было бы создание такого музея, «...который нам осветит историю христианства, если бы такой музей заключал все материалы дохристианской Руси, все предметы, которые нам бы позволили судить о культе христианства, это имело бы громадное значение, если мы охватим не только историю культа, но и состояние культа со всеми его влияниями». Он предложил назвать будущий музей не церковным, а музеем культа[41].

В заключительном слове К.К. Романов еще раз сформулировал основные положения своего проекта и попытался отвести высказанные критические замечания. Он полностью поддержал идею определения будущего музея как музея историко-бытового. На возражения Н.Н. Пунина о том, что музей будет создаваться не по методу, а по материалу, он ответил, что «...музей собирается не просто по материалу, а по той отрасли историко-культурной жизни, которая до сих пор музеями не изучалась... возможно изучать памятники с точки зрения живописной, а разве их нельзя изучать с точки зрения культурно-исторической, она дает гораздо больше»[42]. Здесь К.К. Романов явно приблизился к различению научной и культурной информации музейного предмета – концепции, которая будет сформулирована лишь 60 лет спустя хорватским музеологом Иво Мароевичем[43] и станет основополагающей для одного из наиболее влиятельных направлений музеологической мысли конца XX в.

Голосование, проведенное после прений, показало примерное равенство голосов сторонников и противников проекта создания церковного музея: за него было подано 12 голосов, против – 15[44]. И хотя предложение было отвергнуто, перевес всего в три голоса показал, что сама идея музеефикации предметов культа или элементов церковного быта воспринималась многими музейными сотрудниками того времени как вполне жизнеспособная.

Проведенный анализ стенограммы обсуждения доклада показал, что бытовавшее до сих пор в отечественной литературе утверждение о том, что проект создания церковного музея был отвергнут участниками конференции как попытка «обмузеивания жизни»[45] нуждается в существенных коррективах. Это было лишь одним из высказанных возражений против проекта. Более того, можно предполагать, что и сама дискуссия вокруг этого проекта была лишь частью более масштабной и значительной дискуссии о неприкосновенности музейных фондов и создании единого Государственного (Национального) музейного фонда. Против проекта высказались именно те участники обсуждения, кто принимал активное участие в работе органов новой власти, те, кто должен был непосредственно проводить в жизнь политику Наркомпроса (как Н.Н. Пунин и О.М. Брик), или же, кто напрямую участвовал в создании манифеста этой новой политики централизации, «Московской декларации» (как П.П. Муратов). Естественно, что для них создание еще одного самостоятельного типа музея, тем более, с такой гибкой структурой (фактически, рассредоточенными, децентрализованными фондами) и такой ориентацией на научно-исследовательскую, а не научно-просветительскую работу, было неприемлемым.

© Ананьев В.Г., 2011

---

[40] Там же.

[41] Там же. Л. 12.

[42] Там же. Л. 11.

[43] Maroević I. Muzejski predmet – izvor i nosilac informacija // Informatologia Yugoslavica. 1983. № 15 (3–4). S. 237–248; Introduction to Museology – the European Approach. Muenich, 1998.

[44] РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. № 84. Л. 11.

[45] *Каулен М.Е.* Музеи-храмы и музеи-монастыри России. С. 24.